

Андрей Пейота

ХЭМ

Андрей Пейота

ХЭМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40652218

ISBN 9785449631848

Аннотация

То, на что способны люди, которых не держат за людей и дрессируют выправку сотнями лет. Города современные, да люди те же.

Содержание

Глава 1, в которой обозначаются стороны	5
Глава 2, в которой подозрения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ХЭМ

Андрей Пейота

«Смерть была для него ничем. Он не представлял ее себе в воображении и не боялся рассудочно.

А вот жизнь...

Ею было хлебное поле, колышущееся под ветром на склоне горы.

Ястреб в небе. Глиняный кувшин с водой, во время молотбы

посреди гумна, в облаке разлетающейся мякины.

Конь под тобой,

чьи бока ты сжимаешь ногами, карабин поперек седла,

гора, речушка, окаймленная деревьями, долина и горы

встающие за ее дальним краем.»

(с) Э.Х. «По ком звонит колокол»

© Андрей Пейота, 2019

ISBN 978-5-4496-3184-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1, в которой обозначаются стороны

Бывают такие дни, что ты не можешь открыть глаза. И ни потому что ты физически на это не способен, а потому что надеешься увидеть нечто новое, но этого «нового» не случается. Может случилось когда-то, но ты забыл. Притворяешься вылетевшим из комнаты, из города, из страны... куда угодно. Леса, поля, горы под тобой, и никто тебя не видит, не слышит, не чувствует, не осязает. Летишь себе, и представляешь себя пылинкой, которая облетит весь свет, и окажется где-то на старой антресоли, в чьей-то слабо подсвеченной кухне. Молодые люди сидят и пьют чай в паре метров под тобой, и даже не представляют, что ты видел весь мир. Ты ведь им не расскажешь?..

Запах аммиака ударил Хэму в нос, и он был уже не в силах притворяться, что его тут нет. Продрав глаза и приподнявшись на сбитый локоть, парень обнаружил себя в привычной обстановке явочного сквота, среди нескольких таких же как он, молодых, но разбитых, потных и усталых. Всякую ночь, ложась как есть, после очередной вылазки, каждый спал и понимал, что ему суждено вершить историю, но не суждено избавиться от запаха этой нестиранной одежды. Кто-то уже встал, и скрутил свой матрас в углу сосед-

ней комнаты, и Хэм точно знал, что это была Инна. Родом, в отличие от всех присутствовавших на сквоте, она была из небольшого поселка, где-то за горой, и по старой привычке просыпалась с рассветом. Она была самой дисциплинированной во всей группировке, но в то же время и самой ранимой. Если кто-то начинал подшучивать над ее стряпней, к примеру, над гречишными блинами, что она частенько готовила на завтрак всей группе, она потом была сама не своя весь день. Кусала губы, крутила руки, и вела себя, если можно так выразиться, слегка асоциально. Инна не позволяла другим видеть ее досады, уходила в соседнюю комнату на пару минут. Но она всегда находила силы вернуться. Нет, вы бы никогда не называли ее излишне отрешенной в эти моменты, но во взгляде что-то явно менялось. Он наполнялся металлическим холодом, который лучше не чувствовать от таких глубоких карих глаз. Из этого взгляда уходила вся весна, но в то же время там появлялись страсть и ненависть, боль и переливчатая жестокость. В голосе возникали шипучие ноты, когда она говорила про террор, про новый режим, про идеалы, которые будут установлены, как закон. Закон, слышите меня!? Закон на крови! Закон на давлении супостатов, на звуке намыленных веревок и утренних колоколов.

Блинчики...

Как только Хэм вспомнил про блинчики, – он почувство-

вал их аромат, переходящий в терпкий вкус, где-то на языке.

Да, эта квартира куда хуже той, на которой они собирались в прошлый раз. Жаль, что ее обнаружила полиция. Тут, в отличие от бывшего пристанища какого-то зажиточного книгопечатника, не было заполненных книжных шкафов, пестревших вековой пылью. Из мебелировки остался только весьма пошарпанный кухонный гарнитур, и на том обстановка кончалась. Сантехника в этом сквороте была желтой и насквозь гнилой. Чего и следовало ожидать, ведь дом уже лет десять числился заброшенным. Из-за того, что все отходы жизнедеятельности смывались в унитаз ведрами, старая и тухлая система временами наполняла помещение смрадными аммиачными парами. Спасали только сквозняки, постоянные жители этой заброшки. И это всех устраивало, никто не жаловался. Борцам за новый мир нужно лишь место, куда бросить спальный мешок, да сухой уголок для боеприпасов.

Хэм поднялся с пола, производя минимум скрипа ветхих половиц, чтобы не разбудить еще спящих соратников. Спите, друзья мои, говорил он мысленно, скоро вы будете жить так, как того заслуживаете, и спать в теплых и мягких кроватях, а не как животные в этом загоне. Он заправил свою пропахшую слякотью рубашку в черные джинсы. Мурашки пробежали по телу от неожиданного сквозняка, и он накинул серое пальто, лежавшее у ног. По пути в ванную, он наклонился и включил переносной тепловентилятор у порога

на полную мощность. Изображение осталось темным, но стало более рыжим от потока теплого воздуха. В ванной парень некоторое время смотрел на себя в осколок зеркала, подвешенный на стене. Хэм думал о том, как же ему осточертела эта клочковатая борода, этот поблекший взгляд, который рассыпал вокруг отчаянье и ненависть. Осточертела ему чередой этих крысиных нор, осточертела сырость и запахи ветхих жилищ, что никогда не были его собственными. Почему он должен терпеть всё это? Зачем всё это? Почему те ребята на полу должны это терпеть? Скоро всё кончится... я тебя уверяю, скоро всё кончится. Всё из-за этого ублюдка и его шакальей братии. Лизоблюды вокруг жадного уroda. Выслуживаются, гавкают, как дрожащие комнатные собачонки.

– Тяф-тяф! – новая должность в совете депутатов.

– Тяф-тяф! – новый загородный дом, и отпуск на берегах Средиземного моря.

– Тяф-тяф! Вуф!!! – ой, батенька, да вам суждено быть министром, в вас есть жилка управленца. Вот вам косточка, и министерство внутренних дел.

Сволочи. Бесхребетные воры и хапуги. Хапают и хапают, воруют и убивают. И всё ведь исподтишка... исподволь. А таких как ты – на смерть, куда-нибудь служить отечеству за песчаными барханами, где каждый, от малого мальчика, до седовласого миловидного старичка, норовит перерезать тебе глотку, пока ты спишь в пыли и козьем дерьме. А они всё хапают и хапают, ездят на своих черных иномарках, пе-

рекрывая все движение вокруг кортежами и оцеплением. И всё лебезят и лебезят перед зарубежными делегатами, плетут байки, что Подгория – прекрасна и богата. И мальчишки все причесанные в кадре кинокамер, и девочки с бантиками и косичками, и вертолеты регулярно доставляют эскимо в каждый загаженный малоэтажный двор. У нас чудесно, и прекрасно, вот буквально всё-всё-всё! Честно-честно!!! Ой, а знаете, а возьмите нас в Евросоюз. Мы такие современные и толерантны, зуб даю. Давайте мы примем всех ваших беженцев, а? Сколько надо? Один? Два? Пять миллионов бродяжек? Точно, мы расселим их в наши новостройки абсолютно бесплатно. Мы посадим их на пособия за счет наших граждан, и ничего им не нужно будет делать, кроме как изредка насиловать наших девушек на ночных остановках. Чудно-чудно-чудненько!!! (*чиновник хлопает в ладошки, как семилетняя девочка*). Ой, а знаете, давайте мы вам чего-нибудь продадим, а? Уголь? У нас его много в горах. Может газ? А может быть алмазики? А может (*на пол тона тише*) ра-бы? Интересует? (*молчание, пауза, переход на заговорческий тон беседы, слова произносятся без шевеления губ*) ...ра-бы... хорошие, белые, все зубы свои... у нас есть... обращайтесь, если что (*подмигивает*).

Ублюдки! Выродки! А всё этот Дамир! Какой он там по счету?! Третий? Пятый?! Кто там разберет его титулы, и числительные при них?! Сколько у него титулов – столько тысяч парней мы и потеряли в той сраной песочной яме

за горой! Он закинул нас туда. Юных, ничего не понимающих, но веривших ему и своему отечеству. Чтоб ты сдох, Дамир! А знаешь ли ты, как за песочным барханом вскрывают глотки и вспарывают кишки!? Слышал ли ты хоть раз, как ради песчаного бога возносят молитвы, а потом идут резать детей твоей страны? Они там за твои деньги, и за твое влияние в этом придуманном мире. Скоро! Скоро все закончится! Готовься, ублюдок! Я иду за тобой. Я за тобой иду...

Такие слова звучали в голове у Хэма почти каждое утро уже восемь лет подряд, и перебить этот поток в скрипящих мозгах, могло лишь одно течение – течение королевской крови по грязной и кривой мостовой.

Он умылся, вытер лицо чуть влажным полотенцем и направился в сторону обшарпанной кухни. А там Инна, в своем «походном фартуке» поставила чайник на плиту. С кухни в квартиру, почти неуловимо, и всё же, тянуло теплом и бергамотом, вперемешку с коронными гречшными блинами. Это заставляло все обитателей пристанища революции хоть на миг оказаться где-то далеко. Хоть на мгновение услышать шкворчание сковороды, свисток старого чайника и шуршание маминых домашних тапочек. Досадно было лишь то, что материнский голос должен был зазвучать с минуты на минуту, вот-вот... но он не звучал. От этого веяло одиночеством. Открыв глаза, каждый видел перед собой пыльный свет бесконечных явок, чувствовал ломоту в ко-

стях и щиплющие ссадины от вчерашних стычек с властями. Вой в груди, доходящий до сипения, но так и не прорвавшийся сквозь голосовые связки. Таким путем ходит каждый революционер. Он должен предать дом забвению, чтобы построить новый. Революция не знает близких и родных, она знает лишь соратников и идейных попутчиков. Революционер все ставит на карту, ради того чтобы изменить эту карту навсегда. Ради того, чтобы изменить жизнь миллионов, ради всего одной возможности и иллюзорной уверенности, что ему это под силу. Одного шанса лечь под гранит, чтобы твой памятник из него высекли. Его поставят в сквер где-то на окраине, где молодняк будет собираться вечерами под тусклым светом фонаря, и пить зимой дешевый алкоголь из горла.

– А кому этот памятник? – спросит чуть захмелевшая девушка. Еще девочка совсем, но уже старающаяся походить на мать и ее шлюховатых подруг чуть за тридцать.

– Да, парню какому-то. Писателю, наверное. Тебе не всё ли равно? Знаешь, у тебя глаза такие красивые, я тебе это говорил? – ответит парень рядом на скамейке. От него пахнет дешевым пойлом, он нагловат и целеустремлен.

– Да говорил.

– А еще губы там... (*он пододвигает голову ближе*)
Ресницы, брови (*почти вплотную*), ямочка на щеке (*он на «финишной прямой»!). И...и...и...

И им плевать. У них свои дела. Род человеческий нужно

продолжать. «Сникерсни». «Йоу». «Make fuck, not war», или как-то так.

За столом с Инной они были не одни. На его противоположной стороне уже сидел Кошкин. Парень ни то чтобы высокий, ни то чтобы из коротышек, но коренастый и напористый, а именно такие революции всегда были по душе. Она их балует. В бытность свою, он кое-как умудрился получить высшее образование, со второго раза, на химическом факультете. Его выгоняли, не с треском, больше как-то шипом и шепотом, аккуратненько так, за организацию митинга на площади Столицы. Сейчас, в группировке «Воля», он числился подрывником. Никто не умел, как он, из куска хозяйственного мыла, пластилина собственного изготовления и наручных часов, купленных в переходе смастерить добротное взрывное устройство. Кошкин пользовался какими-то допотопными чертежами, времен царизма, оттого у него получались крайне старомодные бомбы, но вполне себе действенные. Тикающие, изящные, с синими и красными проводами – производили впечатление, и действовали безотказно. Он был единственным из всей группировки, кто успел побывать в местах заключения. Ну, как «побывать» – успел прыгнуть с поезда в нужный момент.

Комдив нашего подразделения Гольце, сказал быть с ним поосторожней. Есть мнение, что вся эта история с поездом была придумана полицией, и он завербованный агент. Ни-

кому нельзя доверять. Времена...

И вот не ясно, чем можно подкупить такого старого и яростного противника монархизма. У него ведь кроме этой тертой кожанки и армейских сапог на земле и нет никого. Такого запугать сложно, думал Хэм, но надо быть настороже. Других подготовленных подрывников в Столице сейчас нет, сплошь засланные казачки, или ссыкуны в очочках, что только перед девчонками красуются тем, как они показывают средний палец на плакат Дамира. Такие к войне не готовы. А это уже война, пусть и партизанская, пусть и городская. Автоматы у стражи настоящие, приклады крепкие, и мысли, как бы ловчее тебя скрутить, кинуть в застенок и раздавить. Кошкин – не худший вариант.

– Ну, как настрой, командор? – спросил Кошкин со своим привычным прищуром на левый глаз, и мерзенькой улыбочкой. Его рука в этот момент тушила сигарету. Во влажном воздухе кухни повис сизый дым, а над ним – топор.

– Как всегда – отмеветил Хэм. – Сам-о чего в такую рань поднялся?

– Что значит чего? Мне хочется знать, когда вся эта крысиная возня закончится, и желательно, во всех интимных подробностях.

Инна со скрипом открыла ветхую деревянную форточку. Осенний ветер пронзил спящую квартиру, и она перекрасилась в более синий оттенок. Топор упал.

– Все встанут, потом на собрании все и скажу. Такие вещи

на голодный желудок обсуждать – язву зарабатывать – ответил командор Хэм, затем перевел взгляд на Инну, снимающую фартук – Француз с Анной нам что-нибудь принесли?

– Что-то точно. Вон там в коридоре тубус стоит черный – Инна указала на темное пятно за дверью. – Французу вчера бровь разбили, и голову, похожу стрясли. Анна говорит на постового наткнулись, из тех, что его в прошлый раз принимали. Он пытался их задержать, где-то на углу 8-ой и 9-ой улицы. Фран только дернулся, тот ему прикладом и шибанул – Инна вздохнула. – Эти сволочи сейчас на приклады накладки чугунные отливают, додумались, как свинство своё прикрывать. Вроде и слегонца прикладом двинул, а у парней потом синдром вождя, лежат по диспансерам, кукушками летают. Ты слышал про подростка на прошлой сходке, которого опознать после облавы не смогли? Лежал такой, красивый, без зубов и половины щеки. Класс, просто! Экстремисты. Подонки... ну подонки...

К концу этого монолога, Инна говорила все тише, все медленней. По окончании она просто закурила сигарету из красной пачки Кошкина, и тихонько отпила чай с бергамотом, периодически вздыхая. В этих вздохах была каждая мать, что расклеивает черно-белые объявления по подъездам бесчисленных пятиэтажек. В этих вздохах были все дочери, не вернувшиеся домой, после собраний политических кружков. В этих вздохах была она, но не живая, сидящая сейчас здесь. В них она лежала на мостовой, без зубов и ще-

ки, под взглядами широко открытых глаз прохожих, и мерцание проблескового маяка скорой помощи, которая находилась здесь уже больше для проформы, нежели по своему назначению.

– Ин, мы им сейчас не «парни» и не «девушки». Ты же видела, как желтушники нас теперь называют? Мы теперь террористическая организация «ВОЛЯ», экстремисты и враги всего человеческого – сказал Кошкин.

На некоторое время в воздухе повисло молчание, но не простое, а определенного свойства. Под такое ты слышишь, как улетучивается твоя жизнь, а наручные часы, оставленные на столе, придают этому полету ритм. Тик-так, время бежит. Тик-так – ну, как-то так. Тик-так, что ты прожил, кроме моды? И что ты сделал для хип-хопа в свои годы?

Хэм изучил содержавшиеся в тубусе изжелтые от времени чертежи.

– Ничего, всё нормально будет. Пусть на собрании Фран посидит, потом отправим его отлежаться – сказал Хэм. На его лице постепенно начало проявляться что-то похожее на улыбку, чего за ним не видел уже давно даже самый верный его боец. – Это очень хорошо. Это просто шикарно, друзья мои.

– Что там, королева голая что ли? – спросил Кошкин, чуть подхихикивая. Это была его коронная шутка, подходящая на все случаи жизни. Он ей безумно гордился. Под этой шут-

кой были основания, ведь королева недавно стала жертвой хакеров, которые слили в сеть ее интимные фото. Власть все достаточно быстро подчистила, но шутки остались.

– Нет – со всей серьезностью ответил Хэм. – Но это то, что заставит всех забыть про существование этого скандальчика. Это план коммуникаций Площади Коронаций. Скоро, братец, нам потребуются твои навыки, и надеюсь, ты готов. Мы прихлопнем эту мразь в самый sentimentalный и трогательный день в его жизни.

– Я весь в нетерпении – Кошкин потер ладони, будто злодей, из карикатурного комикса. – Излагай.

– Потерпишь – отрезал Хэм. – Блины ешь. Зря, что ли, Инна так старалась. – на этой фразе Инна подняла голову из своего стакана с чаем, и даже озарила, пусть и кратко, своей благодарной улыбкой мрачную прокуренную кухню.

Глава 2, в которой подозрения

Утро выдалось ясным, насколько смогло, в условиях этого промозглого города.

Машины сновали туда-сюда, на смешных, но очень суетных скоростях. За заколоченными окнами бесчисленных заброшек, торопясь не успеть к очередному светофору, скрипя от досады на каждом красном, ревя и надрываясь на каждом желтом, горячие автомобили везли своих автоматических водителей. На этом самом привычном «режиме автомата», водители каждое утро жали педали и дергали рычаги, в надежде не опоздать, хоть сегодня. Лишение премии, или внеочередной оплачиваемый отпуск, опоздание или добросовестное соблюдение дисциплины, планы и дедлайны, отчеты и ежеквартальные сверки. Всё это, как ни крути, лишь слова, причем не несущие и толики смысла, сопровождаемые рыком, ревом и красными светофорами. Это лишь звуки, бессмысленная суета. Как африканские там-тамы, пытающиеся вызвать вожделенную небесную влагу – шума много, да ничего не меняется. Как ты ни стучи, как ни колоти сбитыми костяшками в грудь, извергая гортанные молитвы, по всем заветам бизнес-тренеров – толку не будет. За свою не особо долгую жизнь, Хэм уяснил для себя некоторую истину, которой просто необходимо стать прописной: ты либо бьешь в барабаны, и твердишь всем вокруг, что «сейчас бу-

дет дождь, я вам ору просто», или берешь большое ведро, и двигаешь на поиски водоема. Ему осточертели барабанщики. От них пахнет стыдом и страхом.

Командор Хэм осматривал уже собравшуюся на утренней кухне компанию. Завтрак шел полным ходом, с повисшим над ним ожиданием и вопросами. Агенты Дамира везде. Они всюду суют свои носы. А ну-ка, у кого тут барабан припрятан в мешок? Так он мыслил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.